

ГОРБОГЛОВЫЕ

Чечитов А.А.

Александр Александрович Чечитов

Горбоголовые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70250497

SelfPub; 2024

Аннотация

Встреча с крошечными, горбоголовыми существами кардинально меняет жизнь Оли, девочки чье существование до того дня было абсолютно непримечательным и безмятежным. Одна за другой беды наваливаются на неё, обещая похоронить под собой и кажется изменить ситуацию невозможно. Глубоко в душе, Ольга хотела бы жить яркой, красочной жизнью, но у судьбы для каждого есть свой неповторимый сценарий.

Александр Чечитов

Горбоголовые

Невнятное, едва уловимое бормотание над ухом, и легкое покалывание в области живота заставили Ольгу выбраться из плена, болезненной дремоты сжимающей внутренности. Девочка приоткрыла глаза, и вновь быстро зажмурила, с ужасом представив, что будет, если ползающие по телу крошечные, горбоголовые человечки узнают о её пробуждении. Тоненькие пальцы Ольги против воли сами собой крепко сжали мягкий край лежащего под ней махрового одеяла. Крупные, горячие капли пота медленно сползали по вздыбившейся, похолодевшей коже Ольги. В груди отчаянно не хватало воздуха, и сердце колотило в разные стороны, растрачивая драгоценные жизненные силы. Фигурки бледно-розового цвета, длинной в две ладони Ольги, выпучив шарообразные глазки насыщенно желтого цвета, ретиво бегали по кровати. Растягивали вокруг тела девочки пружинистые, синие нити. Крошечные существа напоминали людей, только угловатые, выпуклые горбики на их головах и непропорционально сформированные глаза делали горбоголовых неудавшейся, миниатюрной копией человека. Их полупрозрачная кожа с розоватым оттенком, была не толще пищевой плёнки и плотно обтягивала ярко – багровый мышечный корсет, располосованный множеством синеватых вен. Увенчанные мно-

жеством скрюченных пальцев их длинные руки, свисали ниже пояса, почти касаясь пяток. Кажется, прошло около пары минут, а горбоголовые так и не думали пропадать, словно утренний сон.

– Где же Маринка, или хотя бы её бабушка? – с надеждой мысленно вопрошала Ольга, сдерживая подступившие к горлу рвотные позывы. Старый, облупившийся от зеленой краски домик Маринкиной бабушки окутала липкая тишина. Казалось, тёмные комнаты затаив дыхание, сдавленно молчали, пытаясь не привлечь к себе внимание необычных человечков. Бабушка Зоя, поселилась здесь с мужем когда, новые, рубленые брёвна ещё совсем не знали жильцов, и дерево не успело напитаться запахами жизни человека. Широкогрудая, черноволосая Зоя, приехала в село по распределению на стекольный завод, когда ей исполнилось двадцать три года. Большая, могучая страна жаждала постоянной циркуляции кадров.

– Новые люди, свежие идеи, – гласил один из принципов политических сил тех дней. На самом деле, главная задача заключалась в другом. На местах, уже существовала установленная система. Так при регулярном смешении рабочих, человеческих масс, почти с театральным успехом добивались того, что новый человек легко втягивался в уже сформированные, трудовые потоки. Он или она в течение короткого

времени начинали верить, в то, чем занимались почти как в религию. Оставалось подкидывать дров, в эту человеческую печь, чтобы пламя не угасало, и цикл повторялся вновь. Небольшой, сельский завод из красного кирпича, работал в селе ещё с царских времен. Не остановила его и смена власти в стране, во время революции. На линии работали парни и девушки, почти не имея разницы в задачах, поставленных для полноценного функционирования производственных линий. Именно там заметил Зою, высокий, худощавый Гена, забежавший к другу на обеденный перерыв. Он родился в этом селе, и другой жизни не желал. По вечерам, независимо от погоды в сельском клубе проводились танцевальные мероприятия. Выматываясь на смене, Гена всё же исправно отправлялся на танцы, в поисках встречи с Зоей, которая иногда заглядывала туда.

– Может, в кино пойдём, – в один из вечеров напрямую предложил Гена, присев рядом с Зоей на широкую, деревянную скамейку. Музыка громкая и весёлая заполняла всё пространство сельского клуба, и было трудно услышать друг друга. Время вечернего отдыха проходило как одно мгновение, и уже скоро нужно было расходиться по домам.

– Скоро ко мне должен приехать мой парень Костя, так что извини, – с улыбкой ответила Зоя, когда Гена повторил свой вопрос уже на улице. Неугомонный, энергичный Гена

время зря не растрчивал, пока Зоя ждала приезда жениха. У своего шкафчика девушка находила полевые цветы и стихи, посвященные, её как говорилось внутри строк, широкой душе, горящим глазам. К счастью Гены, конкурент не спешил ехать, и творческой, живой натуре давалось бесценное время для новых душе изъяснений. Непреступная Зоя продолжала держать оборону, не соглашаясь на свидания. Так прошёл год, и когда жених всё-таки приехал, Зоя поспешно отправила его обратно. Так уж вышло, что когда жениха не было, Зое казалось, будто ей нужен только он. Сердце оказалось, не могло иметь всегда постоянную форму и одинаковые стремления. Живое оно. Так решив вопрос с делами сердечными, через пару месяцев Зоя и Гена стали законными мужем и женой, отыграв свадьбу после летней уборки, где трудился тогда Геннадий. Село долго веселилось в ту ночь. Много выпито было, съедено и ещё больше сказано. С тех пор многое изменилось.

Сначала умер муж Гена тогда ещё не старой женщины, а чуть позднее Фёдор, старший из двух сыновей Зои. Младший, Коля уехал на север, откуда не вернулся, погибнув в автокатастрофе вместе с женой. Осталась во всём мире одна родная душа бабы Зои, Мариночка. Бабушка, не раздумывая отправилась в далекий, холодный край, чтобы забрать внучку к себе.

Новичкам не всегда везёт. Школьные дни начались для Марины Зиминой, довольно угрюмо вперемешку с горькими воспоминаниями о маме и папе. Одноклассники довольно холодно встретили её, ограничиваясь поначалу тихими усмешками, по поводу молчаливости девочки. Жесткость и бессердечность любят прятаться под маской шутливости. Вскоре непринуждённое с виду общение, превратилось в издевательства. Несколько раз, Марине наливали бесцветный супер клей на сидение стула, плевали в волосы жвачкой, обзывали. Каждый новый день в школе, Марина воспринимала не меньше чем пытку, сгорая от внутреннего хаоса, вызванного смешением обид, страхов и разочарований.

Худолицая, русоволосая Ольга, никогда не появлялась в списке первых в учёбе, или школьных соревнованиях. Девочка являлась почти невидимкой в группе детей, где училась с первого класса. После второй четверти проведённой в седьмом классе, Ольга под села к Марине сама. Задиры стали меньше приставать, всё же до конца не сдавая позиций в отношении новенькой. За пять школьных месяцев девочки сильно привязались друг к другу. Они могли долго гулять вместе по городскому парку, весело пуская мыльные пузыри или бросая уткам кусочки зачерствелого хлеба. Родители, зная о дружбе Ольги, почти не раздумывая отпустили её к Марине, когда начались каникулы. Договорились на одну неделю. К середине второго дня пребывания в гостях, у Оль-

ги поднялась температура. Заболел живот. Сделав укол, бригада фельдшеров скорой помощи уехала, объяснив это отсутствием причин для госпитализации. Дождавшись, когда Ольга уснет, бабушка Зоя взяла Марину с собой, чтобы сходить в аптеку.

– Пусть отдохнет, – успокоила бабушка, внучку, – тем более родители должны завтра приехать за ней. Нельзя оставлять Оленьку в таком состоянии у нас длительное время. Копыщающаяся масса тонконогих, горбоголовых людишек по-прежнему сновала по кровати и ногам Ольги, стягивая тугие узлы между собой. Дышать становилось труднее, а внутреннее пространство сжал дикий страх. Вдали послышался удар скрипучей калитки о металлический столб. Голоса становились всё громче, и Ольга почувствовала как скованность и болезненная ломота начали медленно отступать.

– У Олечки, кажется лихорадка, – прозвучал тихий голос бабушки Зои, когда пожилая женщина приоткрыла дверь в комнату. Ослабевшие, спутанные мысли Ольги, вяло отозвались, нарисовав смутный образ знакомых лиц. Девочка всё ещё боялась открыть глаза.

– Оля, – коснувшись пропитанного горячим потом плеча, шепнула Марина, – ты как? Мы с бабулей тебе лекарства принесли. Теперь Ольга смогла по – настоящему облегчен-

но вдохнуть теплый воздух комнаты, оттолкнув тревожные воспоминания. Дождавшись, ухода бабушки Зои, Оля начала с чувством рассказывать подруге о случившемся.

Зашуршали листы новых тетрадей и свежих учебников. Со всех сторон звучала весёлая, звонкая речь одноклассников, встретившихся спустя три летних месяца каникул.

– Сумасшедшая дура, – проскальзывали смешки за спиной Ольги, на что поначалу она не обратила никакого внимания. Затем большой, смятый комок бумаги попал в её затылок, отозвавшись коротким, болезненным импульсом внутри головы. От неожиданности и наглости поступка, Оля расплакалась, вызвав живую волну смеха на задних партах. Звонки и появление учителя в помещении класса, немного охладили напряжённую обстановку. Временами Ольга поворачивала лицо в сторону Марины, ожидая того же от подруги, и не дождавшись продолжала вырисовывать буквы на листах. Она сразу всё поняла.

– Никто не мог знать о розовых человечках, кроме тебя, – с обидой размышляла Ольга, – а ты всем все рассказала! Прозвенел звонок. Отодвинув деревянный стул, так что его ножки заскрипели о кафельный пол, Ольга пересела на первую парту, ближе к столу учителя. Она не поворачивала головы назад, чтобы теперь не встречаться взглядом с Ма-

риной. Избегала её и на перерывах между уроками. Одноклассники, не знавшие отпора со стороны Ольги, устраивали одну за другой новые пакости. Одни страстно ненавидели девочку, не понимая причин самого чувства злости, другие из страха быть отвергнутыми классом, так же избегали её общества. Так невидимка за короткое время превратилась в презираемого изгоя.

– Оль, – ласково обращалась мама к потухшей во всех отношениях дочке, – как себя чувствуешь? Девочка скрещивала руки на груди, отворачивая лицо в сторону, или безмолвно уходила в свою комнату. В гардеробе Ольги появлялось всё больше тёмных вещей, постепенно, вытеснивших все остальные цвета. Первое время Ольга хотела, чтобы мама догадалась обо всём сама, чтобы не пришлось объяснять нелепость сложившейся, гнусной ситуации. Этого не случилось. Родители не редко ужинали по отдельности, и не пытались исправить этого. Как правило, уставший после работы отец, садился за стол, не дожидаясь остальных домочадцев. На тесной, блеклой кухне, не знавшей ремонта много лет, работал вполногласности старый телевизор, шелестели страницы вечерней газеты. Мир, построенный путем отказа от принятия решений, ещё существовал, но в большей степени по накатанной дорожке. Никто не выбирал такое положение вещей, здесь уже давно распоряжалась душевная лень, прибравшая к рукам в первую очередь души взрослых чле-

нов семьи. Мама Ольги, инертная, худая женщина, принимала окружавшую их серую, меланхоличную пассивность как данность, мало отзываясь на редкие всплески новых обстоятельств. Оставшись не разгаданной, колкая печаль разрасталась в груди Ольги и девочка постепенно привыкала жить с этим. В одиннадцатом классе Оля почти не училась. К этому времени отец уже несколько лет жил в другой семье, не пытаясь искать общения с дочерью. В поисках себя, мама уехала на дачу, устраивая там посиделки благочинных, чудаковатых проповедников, неизвестной прежде обществу веры. Теперь стены и подоконник крошечной, запыленной кухни, где в одиночестве жила Ольга, почти не видели лучей солнца. Чёрные шторы надежно хранили меланхолическую духоту комнат. Молчал потухший телевизор, на полу валялись съёжившиеся клочки старых газет.

Лысоватый, жирный Стас, появился в жизни Ольги, как что-то само собой разумеющееся. Компания любителей тяжелого рока, куда Ольга попала на свой день рождения, приняла её крайне душевно. Во всяком случае, ей так показалось. Длинноволосые, дурно пахнущие музыканты не задавали лишних вопросов. Не давали советов, а это оказалось лучшим целебным бальзамом для обветшалой психики Ольги. На одну из регулярных вечеринок пришёл Стас, который оказался, родственником одного из тусовщиков. Познакомившись с Ольгой, он стал приходить на посиделки гораз-

до чаще. Стас мало походил на того, каким представляла себе девушка прежде своего возлюбленного. Он много шутил, пользовался низкопробными, похабными анекдотами. Пил как остальные в компании, а может и больше.

– И я совершенно не та, что была раньше – иногда успокаивала Ольга, протестующий внутренний голос, когда появлялись неудобные размышления в отношении молодого человека. Девушка почти ничем не интересовалась. Её детские рисунки, когда – то давно, по словам преподавателей, обещали большое, творческое будущее, но устойчивая неуверенность в своих силах довольно просто убедила Ольгу, в тщетности подобных мечтаний. Теперь красные закаты на картинах, с воздушными замками и розовыми единорогами украшали разводы от пролитого на них горького, низкосортного кофе. Наступал вечер, и, как правило, Стас приходил с парой небольших пакетов, где преимущественно лежали баллоны пива с жидкой закуской. Поднявшаяся в воздух пыль и сухой пепел от сигарет вновь создавали витиеватые сюжеты на ярких линиях оставленных детской рукой на альбомных листах когда-то давно. Иногда от нахлынувших чувств Ольга садилась на грязный пол, неумело прижимая к груди перепачканные грязью рисунки. Она вдруг страстно желала понять, где свернула не туда, но такое дело быстро надоедало ей. Тогда вновь яростно разбрасывалась бумага, летели в стену пустые бутылки, хрустела под ногами изношенная

временем мебель. Такое существование во всех отношениях устраивало Ольгу, и цикл повторялся.

– Может, поговорим о? – прозвучал в трубке незнакомый женский голос, в полдень обычного воскресенья.

– С кем? – перебила хрипло Ольга, – кто ты?

– Марина Зимина, – последовал робкий ответ. Дальнейшего разговора Ольга не желала и поскорее бросила трубку. В забытье сил для лишних волнений не оставалось. Энергия тратилась лишь на примитивные, сиюминутные удовольствия. Жизнь казалась по – своему налаженной, пока не пропал Стас. Он уходил и прежде, но никогда так надолго.

– Не звони сюда больше, – ответил резко взбудораженный Стас на вялые расспросы Ольги, когда после двухнедельного отсутствия она вдруг начала искать его.

– Может тогда, с деньгами поможешь? – отстраненно поинтересовалась Оля, допивая последнюю бутылку пива. Споткнувшись на полуслове, Стас громко рассмеялся, а затем отключил связь. На следующие звонки парень не отвечал. Теперь Ольга редко вставала с постели, выбираясь лишь по острой необходимости. Ей ещё иногда удавалось продавать некоторые вещи, оставшиеся от прежней жизни роди-

телей, а между тем становилось делать это гораздо сложнее. Темнота, глухая и почти непроницаемая – оставалась верным стражником пассивного бессилия Ольги, позволяя думать, что за окном всегда ночь. Дверной звонок продребезжал, оцарапав громким сигналом затхлую тишину квартиры. Затем ещё раз.

– Да свали уже, – раздраженно буркнула Ольга, протирая одутлое лицо, – какого черта нужно?! Скрип звонка не утихал.

– Я волновалась за тебя, – произнесла скованно стоявшая на пороге Марина, перебирая в руках длинный, ярко-оранжевый шарф.

– А я и не знала, как мне жить дальше, – дрожащим голосом произнесла Ольга, вытирая набежавшие вдруг слезы, – спасибо, что пришла. Сколько лет прошло, как окончили школу?

– Олечка! Все будет хорошо, – отозвалась ласково Марина, пытаясь справиться с нахлынувшей волной теплых чувств, – мы справимся вдвоём. Раскрыв объятия, она шагнула навстречу школьной подруге. Содрогаясь всем телом, Ольга сделала ответный шаг. Девушки долго стояли на пороге, обняв друг друга.

– Может куда – нибудь, сходим? – предложила радостно Марина, заглядывая в глаза.

– Обязательно, – взволнованно ответила потрясенная Ольга, – только мне с одним делом закончить нужно.

– Ладно. Может помочь? – спросила Марина. Игриво подмигнув, Ольга молча ушла вглубь квартиры и вскоре вернулась, сжимая две ладони вместе.

– Знаешь что здесь? – трепетно спросила она.

– Нет, – улыбнулась Марина.

Разомкнув пальцы, Ольга засмеялась.

– То же самое, что и ты. Пустота, – заливаясь утробным смехом, громко крикнула Марине в лицо Ольга, – катись отсюда мразь. Ненавижу тебя! Плюнув в сторону Марины, Ольга захлопнула дверь. Она много и густо смеялась, находя своё поведение забавным. Смрадный, душный воздух комнаты прояснился на короткое время, а после всё стало как прежде. Дрожь, сменила веселые позывы, и унять её казалось невозможно. Кожа девушки покрывалась испариной, а затем и мелкими бугорками. Родители, Марина и воспоминания

нания о былом слились воедино. Теперь, Ольге казалось, что всё это из прошлого, она ненавидит в равной степени. А может и немного любит. Мысли об этом оставляли на сердце глубокие, кровоточащие раны. Алкоголя не осталось совсем, и заглушить бушующий внутри ураган не выходило. Решение, вдруг родившееся внутри головы, показалось лучшим в то мгновение. Собрав все имеющиеся коробки лекарств, Ольга высыпала их в замызганную, эмалированную чашу. Таблетки, давно просроченные и потускневшие, ещё сохраняли аптечный запах, от чего девушку вырвало прозрачной жижой. Набрав стакан ржавой воды из скрипучего крана, Ольга закинула горсть таблеток между потемневших зубов.

– Ой, – коротко вскрикнула девушка, увидев пробежавшее от обеденного стола к покосившемуся холодильнику маленькое существо. Размякшие комки белого цвета вытекли из её скривленного рта. Зажмурив глаза, Ольга почти избавилась от видения, приготовившись закончить начатое дело. Она вновь сжала в кулаке пригоршню пахучих лекарств. Задев руку Ольги, под тумбу шмыгнуло ещё одно горбоголовое создание, отдаленно напоминающее человека. Высунув из-под кровати и тумбочки горбоголовые макушки голов, увенчанные несимметричными глазами, маленькие люди следили за Ольгой, почти не мигая. Они ждали...

– Будьте вы прокляты ублюдки, – выругалась Ольга, – из-

за вас моя жизнь пошла кувырком. Потрясенная Ольга хотела было убежать, но соскользнула в сон, безвольно оставив переживание и тревоги в стороне. Боль раскатами гремела в голове, отнимала силы, заставляла мучительно задыхаться. Повернув голову, Ольга обнаружила, что горбоголовые существа вновь суетятся вокруг неё, подпрыгивая, затягивают петлю за петлей. Страх из прошлого всецело поглотил девушку. Она, как и много лет назад, тряслась при виде ухмыляющихся, миниатюрных существ.

– Какого чёрта?! – разозлилась Ольга, – сдохните твари! Собрав остатки сил, она ударила сжатым кулаком по верхушке головы, одного из человечков. Розово – лиловые капли брызнули в разные стороны, попав на шею и руки Ольги. На её лице отразилась слабая, победоносная улыбка.

– Вот вам и конец уродцы, – весело подумала девушка, приготовившись бить ещё. Прежде казалось спокойные, горбоголовые твари стали двигаться значительно быстрее. Выпучив круглые глаза, горбоголовые сильно кусали Ольгу, оставляя кровоточащие раны на коже. Придавить одного из них ещё раз, казалось невозможным. Попытавшись встать, Ольга столкнулась с тем, что ноги совершенно не слушались её, а боль от укусов становилась всё острее. В следующее мгновение, Ольга схватила край скатерти. Два особенно кривых человечка атаковали её пальцы, болезненно впившись

в суставы. Рванув на себя несколько раз, Ольга оказалась под грудой мусора падающего на неё со стола. И вновь пальцы искали спасения на полу. Через минуту в руках оказались ножницы. С остервенением и улыбкой, Ольга уничтожала горбоголовых, оставляя под своими руками растерзанные в мясо кусочки. Сознание исчезало, возвращаясь короткими всплесками, и вновь отступало. Перепачканная, изнеможённая Ольга не понимала, как и почему оказалась в квартире Марины, где упала без чувств, оставив кроваво – бурые следы на бежевом ковре.

Утром следующего дня, Ольга с трудом разлепила глаза. Избитое, уставшее тело отзывалось болезненным всплеском на каждое новое движение. Вспомнив о вчерашнем событии, девушка боязливо огляделась.

– Привет, Оль, – начала осторожно сидевшая у кровати Марина, – ты как?

– Идеально, для сошедшего с ума человека, – грустно улыбнулась Ольга, потирая вздувшиеся вены на лбу. Лицо Марины оставалось приветливо спокойным, и ей не хотелось торопиться с дальнейшими расспросами. Оставив небольшой, керамический чайник, кружку и несколько бутербродов на прикроватной тумбе ярко – бирюзового цвета, она ушла, пообещав заглянуть позже. Бархатистые, чистые обои,

изящная лепнина и дубовые стулья, оказавшись прижатыми взглядом Ольги, пищали, – это ты именно, то ничтожество, о чем прежде вещал твой грязный рот. Вернись в свою конуру и продолжай гнить, пока тараканы не оставят пустыми твои глазницы, а опарыши весело отпразднуют уход ещё одной никчёмности. Первым в стену полетел украшенный витиеватыми узорами чайник, следом за ним бутерброды. Бутылка минеральной воды, столкнувшись с дверной ручкой, от удара превратилась в фейерверк водянисто – стеклянных брызг. Выдвинутый ящик тумбы жалобно хрустнул, опустив половину себя к полу. Шторы звонко трещали под свирепыми порывами повисшего на них женского тела. Неистовство и ярость заполнили Ольгу без остатка, а затем ушли, оставив зияющую дыру на сердце. После остывшей, душевной бури Ольги, Марина вошла в комнату и легла напротив упавшей на пол девушки. Прямо на грязь и осколки, а за окном теплый, летний ветерок медленно раскачивал ветви зеленого клёна.

– Все эти годы мне не хватало тебя, – не узнав свой съезженный голос, тихо произнесла Марина, не отворачивая лица. Неподвижные глаза Ольги, приобрели красновато – влажный оттенок. Она продолжала молчать.

– Бабушка иногда спрашивает о тебе, – сдерживая подступивший к горлу ком, произнесла негромко Марина, небреж-

но подогнув колени. Легкая, нежная улыбка на мгновение очистила лицо Ольги, от налёта угрюмости и отчаяния.

– Скажи, что не предавала меня, – жалобно попросила Ольга, оставаясь без движения, – хотя бы соври, чтобы я могла чуть меньше ненавидеть тебя.

– Я рассказала всем о том дне. Только на мне вина за это, – ответила Марина устало.

Большие, пышные хлопья снега наслаивались на карнизе, придавая настроению праздничное, новогоднее предчувствие. Вытаскивая золотистые, ёлочные игрушки из коробки, Марина уронила одну из них, так что фигурка разлетелась на множество осколков. Раздался телефонный звонок с неизвестного номера.

– Прости меня, пожалуйста, – послышался знакомый голос бывшей подруги, на той стороне.

– Ольга, – радостно встрепенулась в ответ Марина, – это я должна просить у тебя прощения! Ты как поживаешь?

– Когда-то давно я услышала фразу, о том что, прощая других, мы позволяем самим себе быть прощёнными. Мне понадобилось много времени для осознания сказанных слов,

и ещё больше для принятия себя вместе с тем.

– Может, в гости зайдешь?

– Ты спасла меня в самую трудную пору для моей души, – ответила взволнованно Ольга, – спасибо.

Пока Ольга не решалась сказать, что она уехала за десять тысяч километров от родных мест. Поговорив с Мариной, девушка присела за небольшой, праздничный столик, украшенный шёлковой скатертью возле своего нового парня. Он не знал и не должен был знать, о её прошлых бедах. Розовых человечков Ольга уже больше никогда не встречала. Лишь глубокие, дугообразные шрамы на теле, не давали усомниться, что встреча с горбоголовыми, крошечными существами, была на самом деле. Теперь Ольга по настоящему дышала полной грудью, избегая черных и серых тонов в своей жизни и мыслях.